

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Собрании игуменов и игумений Русской Православной Церкви

Дорогие владыки, отцы, матушки игумении, братья и сестры! Я хотел бы еще раз всех вас сердечно приветствовать и выразить глубокое удовлетворение в связи с тем, что наши монашеские съезды, скромно именуемые собраниями, становятся важной частью церковной жизни. Вспоминаю времена, когда нельзя было собрать не только игуменов и игумений, но даже архиереев, ввиду внешнего давления на Церковь. Но когда оковы, связывавшие Церковь, пали, у нас появилась возможность обустроить свою внутреннюю жизнь в соответствии с канонами, правилами и общецерковной целесообразностью. Рад, что сегодня вся Полнота Церкви — и это было явно выражено на Архиерейских Соборах — обращает особое внимание на развитие монашеской жизни. Но развитие невозможно без самого активного участия представителей монастырей, в первую очередь тех, кто обители возглавляет, — игуменов и игумений. Поэтому хотел бы сказать, что наши игуменские собрания предоставляют возможность реально влиять на развитие монашеской жизни в нашей Церкви. Каждый из вас имеет право голоса, слова, выступления. Для того чтобы на уровне Архиерейского Собора, Синода, Патриарха принимать правильные решения, касающиеся жизни монашествующих, нужно, в том числе, слышать ваши голоса. Буду всячески приветствовать все, что исходит от вас, мои дорогие братья и сестры, и затем мы самое правильное, нужное,

заслуживающее внимания представим на суждение Синоду, Архиерейским Соборам, с тем чтобы через решения высших органов церковной власти и дальше развивать монастырскую жизнь в Русской Православной Церкви.

Хотел бы в начале своего выступления поздравить всех с по праздниством Рождества Пресвятой Богородицы. Событие, которое мы вчера литургически праздновали, обращает наше внимание к жизни Пресвятой Девы и свидетельствует о великой истине: именно святые оказывают самое решающее влияние на то, что происходит в человеческом сердце. В каком-то смысле святые влияют на ход истории. В учебниках об этом не пишут — там фигурируют главы государств, военачальники, революции и прочие события, но ничего не говорится о роли святости, о том, насколько пример святого может изменять жизнь людей. Такой пример являет нам Божия Матерь: Пречистая Дева сподобилась особой благодати Божией и изменила жизнь мира так, как ни один самый выдающийся государственный или политический деятель. И если мы понимаем непреложную истину, что духовная жизнь человека важна не только для него самого, но и несет в себе огромный потенциал воздействия на окружающий мир, то становится ясно: даже самое уединенное монашеское житие, в котором и через которое совершается духовный подвиг, способно влиять на окружающий мир, и примеры святых об этом ясно свидетельствуют. Нам иногда говорят: «ну что монахи, сидят в затворе, — надо к миру обращаться, на мир воздействовать!» Конечно, надо, и пастырское слово Церкви обращено к миру, но монашествующие воздействуют на мир силой своей молитвы и своего духовного подвига, соприкасаясь с которым, многие меняют свое отношение к Богу, к Церкви и очень часто — всю свою жизнь.

Наше собрание посвящено памятной дате — 1000-летию пребывания русских иноков на Афоне. В этой дате соединились Святая Гора, удел Пресвятой Богородицы, и Святая Русь, которая также именуется домом Божией Матери. Некогда Божия Матерь избрала Афон Своим уделом, и под Ее Покровом на этой горе образовалось единственное в мире монашеское государство. Святая Гора стала символом духовного единства всех православных народов. Она аккумулировала духовные, интеллектуальные и культурные богатства всего православного мира. Главным же богатством Афона, конечно, были не только великие святые, но и неизменно сохраняемые монашеские традиции, вобравшие в себя опыт подвижников пустынь и киновий Египта и Палестины, а также монастырей Византии.

Русское монашество не раз обращалось к святогорской традиции, черпало в ней вдохновение и перенимало опыт монашеского делания. Первые русские иноки пришли на Святую Гору почти сразу после Крещения Руси, еще при святом

равноапостольном князе Владимире. Едва Русь была просвещена светом Христовой Истины, как сразу же появились люди, горящие духом и желающие всецело посвятить себя Богу. И вот эти люди направлялись на Афон и становились первыми русскими насельниками монастырских общин Святой Горы. Можно с уверенностью сказать, что с начала XI века уже была известна афонская «обитель Россов» — монастырь Ксилургу. В те же годы совершилось важное для Руси событие — на Афон пришел преподобный Антоний, будущий Киево-Печерский игумен. Это событие осталось в тот момент незамеченным для мира: действительно, ведь пришел на Афон простой русский человек. А с Афона вернулся на Русь просвещенный, духовно сильный инок, который заложил основы русского монашества. И мы поныне созерцаем обильные плоды того события: нынешние русские монахи — это духовные наследники преподобного Антония Киево-Печерского. Вот яркий пример того, как одна личность, достигшая «меры полного возраста Христова» (Еф. 4:13), может повлиять на историю целого народа. Так было и с преподобным Антонием, родоначальником русского монашества. За годы пребывания на Святой Горе преподобный Антоний проникся полностью духом афонского монашества. Его духовный отец, давая повеление возвратиться на Русь, сказал: «Да будет на тебе благословение Святой Афонской Горы». И не случайно основанная им на Киевских горах обитель стала колыбелью русского монашества, ибо в ней пребывал дух древнего иночества, в ней продолжались вековые традиции, на которых, как на мощных столпах, монашество стоит и доныне.

Впоследствии связь Руси с Афоном не прекращалась. Известно, что преподобный Сергей был связан с исихастской традицией, а Свято-Успенская Почаевская лавра и Святогорская лавра на Северском Донце были основаны выходцами со Святой Горы. Нужно вспомнить и преподобного Арсения Коневского, Савву Вишерского, Нила Сорского, Иннокентия Комельского, которые изучали жизнь святогорских аскетов, утверждали русское монашество в традициях византийского общежития в XV-XVI веках. А в XVIII столетии преподобный Паисий (Величковский) послужил возрождению русского монашества после потрясений екатерининской эпохи, той самой, что нанесла огромный ущерб монашеской жизни, бытию монастырей в Российской империи. К середине XIX века монастыри, придерживавшиеся аскетической традиции преподобного Паисия, уже располагались в 30 епархиях, в том числе Московской, Орловской, Калужской, Тульской, Новгородской. Именно с именем святого преподобного Паисия мы связываем новое возрождение русского аскетического монашества после тяжелой эпохи екатерининской секуляризации.

Все эти столетия происходил и другой важный процесс: Русь давала Афону своих подвижников. В сонме преподобных афонских отцов сегодня

насчитывается множество уроженцев земли Русской. Так переплелись история афонского и русского монашества, история святости. Имея общие корни и традиции, афонское и русское монашество принесли обильный плод — великое число угодников Божиих, которые ныне молятся о всех нас пред Престолом Царя Небесного.

Божией милостью древние монашеские традиции и сегодня продолжают на Святой Горе. На них выросло и русское монашество, и сейчас они вновь должны стать опорой для нашей церковной монашеской жизни, для возрождающихся в нашей Церкви обителей. Ведь современный человек так же тоскует по истине, как и те, кто в древности уходил подвизаться в пустыни, на Афон, в Киево-Печерскую Лавру, в другие древние русские монастыри. И если наши современные монастыри будут в полной мере воплощать заветы, которые оставили нам исполины духа — так можно назвать первопроходцев монашеской жизни на Руси, — то наши обители год от года будут наполняться новыми людьми, жаждущими иноческого жития, и соль монашеского служения сохранит свою силу.

Теперь хотел бы сказать, как я понимаю основные направления той самой традиции, которая удерживает в определенном порядке монашеское бытие и обеспечивает преемственность от древних славных обителей к современным монастырям. Что же это за вехи, что за путеводные указатели монашеской традиции, которая несет в себе способность соединять прошлое с настоящим и актуализировать в настоящем заветы прошлого?

В первую очередь, конечно, это богослужение, это молитва, которая, находясь в центре жизни монашествующих, определяет главное направление монашеской жизни. Нет молитвы, нет богослужения — не может быть монашеской жизни. Это духовный, мистический центр. Именно через соприкосновение с богослужением, через молитву в храме и келейную молитву инок чувствует Божие присутствие в своем сердце. Богослужение определяет ритм дня и ночи монаха, и все остальные труды находятся в зависимости от богослужения, а не наоборот. Благодаря этому монах не утрачивает духовной ориентации и сохраняет видение подлинного смысла и цели своей жизни.

Богослужение оказывает особое воздействие на человеческое сердце. В храме время изменяет свое течение, и мы созерцаем великие библейские образы, мы приобщаемся к духовной традиции двух тысячелетий. Думаю, невозможно быть каждый день в храме, питаться божественной службой и не гореть при этом духом, не желать служить Богу. Как в архитектуре монастыря храм находится в его центре, так и в повседневной жизни монаха служение Богу, полная отдача

себя Господу занимает центральное место. И духовный подвиг монаха состоит в том, чтобы ежедневно участвовать в богослужении суточного круга, а не оправдывать свое отсутствие другими делами, имеющими для инока второстепенное значение. Если инок эти второстепенные дела считает более важными, чем молитву, что-то неправильное происходит в его сознании и его сердце. Если каждодневные заботы ставятся над богослужением, если они становятся приоритетом в монашеской жизни, то, несомненно, в жизнь монаха, может быть, не очень заметно для него, войдет мирской дух, потому что служение суете будет вытеснять общение с Богом.

Именно любовь иноков к богослужению определяет правильное устройство той или иной обители, Господь же подает все необходимое для жизни тому монастырю, братство или сестричество которого не оставляет молитву. И, конечно, первым в любви к молитве призван быть игумен. В многочисленных житиях святых игуменов, как афонских, так и русских, где мы очень часто видим игумена? В храме, на молитве. Не в этом ли заключается тайна того, как он и сам стал святым, и других привел к святости?

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорил, что в душе, в которой не живут сила и благоухание молитвы, царит бедственная пустота (О существенном делании монаха // Полн. собр. творений: в 8 т. М.: Паломник, 2001. Т. 2. С. 149). Беда, если монах не молится, не любит молитву! Он тогда совершенно пуст. Наоборот, молитва делает его светом миру, и святогорцы давно познали эту истину.

Все это кажется таким очевидным, но если перенестись в контекст современной жизни, представить, сколько телефонных звонков поступает игумену, игумении, эконому, келарю и иным должностным монастырским лицам, когда возникают реальные проблемы, связанные с реставрацией, восстановлением, строительством, то возникает множество поводов уделять большее внимание решению всех этих вопросов, жертвуя богослужением.

В свое время, еще студентом духовной академии, я получил назидание моего духовного отца владыки митрополита Никодима, сохранившее для меня значение на всю жизнь. По его благословению мне приходилось ускоренно проходить курс обучения в академии, нагрузка была очень большая, и, готовясь к очередному экзамену, я пропустил богослужение Погребения Пресвятой Богородицы. На следующий день владыка меня спросил: «Почему ты не был на службе?» Говорю: «Владыка, у меня экзамен на носу, огромный объем материала, просто не успеваю». И он сказал слова, которые я на всю жизнь запомнил: «Ты никогда ничего не будешь успевать и никогда ничего не добьешься, если будешь делать свои дела в ущерб богослужению». Вот я

стараюсь придерживаться его слов, насколько могу, хотя по немощи моей это не всегда удается. Глубоко убежден в том, что именно совершение богослужения — для архиерея, для монаха, да и для приходского священника — является самым главным и самым важным делом. Потому что именно богослужение возвышает нас над повседневностью, вооружает нас духовной силой, помогает нам правильно видеть и житейские проблемы, с которыми мы сталкиваемся в силу исполнения наших обязанностей, административных, хозяйственных и прочих.

Хотел бы сказать еще об одном важном ориентире в деле устройства монашеской жизни — это духовный авторитет игумена. Каждому игумену вручается жезл как символ духовной власти. Кстати, скажу и о жезлах. Вы знаете, я был инициатором того, чтобы каждый игумен или игумения получили жезл, но мне и в голову не могло прийти, что наши игумены и игумении превратят свои жезлы в Патриаршие: богато украсят, крест сверху поставят. Я такие жезлы не благословлял! У каждого из вас должен быть простой игуменский жезл, без всяких украшений, без ювелирных побрякушек и без креста наверху, потому что крест на жезле — это символ архиерейского служения. Так что, как вернетесь к себе, первое, что сделайте, — закажите простые деревянные посохи наподобие того, что был в руках святителя Петра, митрополита Московского, который вручается Патриархам Московским при их интронизации. Такой посох в большей мере символизирует характер власти, которой вы обладаете. Это не административная власть — это власть духовная, которая опирается на духовный авторитет. Нет духовного авторитета у игумена или у игумении — нет и власти. Многие из вас, наверное, сталкивались с тем, что некий непослушный брат или сестра говорит: А что мне матушка? А что мне игумен? И перечисляет все, что не устраивает и вызывает смущение у брата или сестры. Но ведь такое никогда не скажут в адрес игумена или игумении, если он или она имеет не только авторитет хорошего хозяйственника, но и настоящий духовный авторитет. А это означает, что игумен или игумения должны быть первенствующими в молитве и в аскетическом делании. Конечно, приходится исполнять много административных и представительских обязанностей, все это накладывает отпечаток на жизнь игумена или игумении, но если образ жизни и даже бытовые условия у настоятеля или настоятельницы слишком отличаются от того, как живут монахи и монахини, то духовного авторитета не будет. Спать будете комфортно, чувствовать себя в кресле комфортно, а вот духовного авторитета не будет. Не могу себе представить, чтобы у отцов и матерей, основавших древние обители, образ жизни радикально отличался от образа жизни простых монахов и монахинь. Это нужно очень ясно всем понять, а если нет понимания, то не стоит становиться

игуменом или игуменией. Нужно просто попросить правящего архиерея не возводить в игуменский сан, потому что настоятельское служение — это подвиг, и только на этом подвиге основывается авторитет.

Возникает также серьезный вопрос о духовнической функции игумена или игумении. Конечно, игумен или игумения должны быть последним авторитетом, который принимает решения относительно жизни насельников, в том числе духовной жизни. Поэтому очень важно, чтобы перед начальствующими открывались помыслы, чтобы и игумен, и игумения имели доступ к сердцам монашествующих, но для того чтобы этот доступ был, сердца монашествующих должны открываться навстречу игумену или игумении. Если сердца не открыты, никакими указаниями, никакими заявлениями, никакими внушениями вы не установите те отношения с монашествующими, которые приличествуют вашему званию. Игумен и игумения ответственны за духовную жизнь.

Иногда в женских монастырях возникает проблема отношений между игуменией и духовником. Некоторые матушки очень ревностно оберегают своих монахинь от духовного влияния духовника. Это неправильно. Исповедь, которую приносят сестры, не является формальной, и роль священника, который отпускает грехи, не сводится к произнесению формулы: «Прощается и разрешается...» Священник несет ответственность пред Богом и должен отвечать на вопросы тех монашествующих, которые к нему обращаются. Именно осознавая важную роль духовника, архиерею следует принимать решение о назначении священника на эту должность, особенно в женские монастыри. Нужно очень хорошо изучать кандидатуры и направлять туда самых достойных, которые не входили бы в конфликт с игуменией, не соревновались бы в том, у кого больше авторитет среди сестер, не проявляли бы свою власть, но, будучи в подчинении у игумении (потому что она настоятельница), помогали бы ей укреплять духовную жизнь насельниц. Нужно очень гармонично выстраивать отношения в этой области.

И вот еще что считаю важным. Когда мы постригаем монаха или монахиню, мы вручаем их старцу или старице, и это вовсе не формальность. Произносятся замечательные слова. Не знаю, как другие архиереи, но я соединяю руки новопостриженного и старца, ибо это союз людей, это не формальность, это не мелочь в нашей монашеской дисциплине. Поэтому старцы и старицы также несут ответственность за тех, кто им вручен. Но здесь не должно быть никакого «сепаратизма»: духовная работа старца или старицы должна осуществляться при полной координации действий с игуменом или игуменией. Игумен или игумения должны знать о духовном состоянии всех, хотя в больших монастырях знать тайники души каждой или каждого просто невозможно. Но если есть

группа людей, которые называются старцами или старицами и которым вручаются новопостриженные, то они вместе с игуменом или игуменией должны рассматривать духовное состояние того или иного инока или инокини и принимать соответствующие решения. Поэтому я бы призвал наших матушек к тесному взаимодействию со старицами, коим вручены новопостриженные, с пониманием того, что окончательная ответственность пред Богом за весь монастырь — на игумене и игумении. Это самый последний авторитет, и за каждого насельника настоятель или настоятельница несет ответственность пред Богом. Отсюда и духовный авторитет — великая скрепа монашеской жизни, которая, еще раз хочу подчеркнуть, поддерживается не особым стилем жизни настоятеля и настоятельницы, не особым видом жезла в руках, а собственным духовным опытом, который помогает монашествующим идти по пути спасения.

Чем так притягателен Афон или любая духовно благоустроенная обитель? Именно тем, что там течет совершенно особая надмирная жизнь. Конечно, Афонский полуостров достаточно изолирован от вторжения мира. Но дело ведь не только во внешней изоляции, — вся жизнь святогорцев проникнута духом отречения от суеты лукавого мира. Здесь незримое телесными очами, но ощущаемое сердцем присутствие благодати Божией. Человек, приходящий туда, видит: люди живут совсем не так, как в миру, у них иной дух, иной образ мысли, иное течение времени, иное мироощущение, у них все иное и в то же время все потрясающе реальное, живое, истинное. Нас часто восхищают и удивляют труды древних подвижников: стояние на столпе, строжайший пост, краткий сон и тому подобное. Но как мы обычно взираем на эти подвиги? Отстраненно. Лично нас это как бы не касается. В большинстве своем мы убеждены, что на такое неспособны, и вообще это не для нас, и вообще неизвестно, как все это по-настоящему было. Однако отказ от современных соблазнов — это ведь тоже очень нелегкое испытание и определенный подвиг. Каждая эпоха несет свои искушения, свои соблазны и свои вызовы монастырской жизни.

Приведу простой пример. Современный человек, который привык пользоваться телефоном, компьютером, переступает порог монастыря и приносит хорошо известные обеты. А потом оказывается, что обеты соблюдать он может, а вот устранившись от мира, не используя мобильный телефон, — никак. Зависимость от Интернета такая, что никаких сил не хватает от него отказаться. Так что древние отцы имели свои искушения и соблазны и преодолевали их, а у нас с вами свои искушения и соблазны. Не иметь в личном пользовании сотовый телефон, не блуждать по миру с помощью Интернета и тому подобное — это нелегкая аскеза для современного человека. Но ведь она проникнута не

пессимизмом, а оптимизмом, она исполнена света и надежды, она совершается ради раскрытия и возрастания личности, а не ради ее подавления. Цель такой аскезы — очистить сердце, чтобы оно соделалось обителью Божией. В монастыре это духовное возрастание совершается при определенных условиях, о которых мы сегодня говорили. Молитва, послушание духовному отцу или духовной матери, послушание игумену и игумении — все это многотрудный подвиг, но в то же время подвиг, доступный современному человеку. Без этого подвига монашествующие остаются просто мирянами, облаченными в монашеские одежды. С такими мирянами я, к сожалению, очень часто сталкиваюсь — одет по-монашески, а человек совсем не монастырский. Преодолевать это тяготение мира, эти искушения мира — это и есть сердцевина монастырского делания. А ведь мир сегодня жаждет истинного свидетельства о Боге, он смотрит на монастыри с надеждой, желая увидеть в монахах подлинных подвижников, он нуждается в живом свидетельстве о Христе, и люди испытывают немалое разочарование, если видят, что монахи не очень-то от них и отличаются, что они такие же, как все, что они не аскеты, не герои духа и отнюдь не являют миру ангельское, небесное житие.

Мы не знаем, были бы наши народы сегодня православными, если бы не было преподобных Антония Киево-Печерского, Сергия Радонежского, Паисия Величковского, Серафима Саровского и сонма других святых от дней древних до сегодняшнего дня. С каким благоговением и особым сердечным чувством мы вчера встречали в Храме Христа Спасителя главу преподобного Силуана Афонского — почти современника нашего, но прославившегося подобно подвижникам прошлого! И на нас лежит большая ответственность. Хотел бы подчеркнуть: от атмосферы, от состояния даже одного монашеского братства может зависеть атмосфера в селе, городе, регионе, даже во всей стране.

И еще нечто важное хотел бы сказать. Нам нужно трудиться, молиться и дерзать. Помните, что вы сражаетесь на передовой линии духовного фронта, вы впереди всего воинства Христова и вы принимаете, может быть, самые тяжелые удары, но со всеми нами Божия Мать, Игуменья всех обителей. Каждый монастырь, пусть даже он находится за тысячу километров от Святой Горы, — это тоже удел Божией Матери. Пресвятая Богородица с равной материнской заботой следит за жизнью каждой святой обители. Просите Ее помощи в устройении монашеской жизни и помощи в вашем иноческом делании. В службе преподобным отцам Горы Афонской есть следующие замечательные слова: «Учения же и правила свои, яко чадолюбивые отцы, достояние нам предаша. Сохраним убо, братие, яко отцелюбивии сынове, отеческое наследие неразрушимо». Хранить отеческое предание неразрушимо — это наша ответственность пред Богом, пред Церковью и перед людьми. И, как говорят

святые отцы, благодати Божией несвойственно стареть. Она не стареет, не изменяется, она всегда новая, всегда свежая и наполняет нашу жизнь дарами Божиими. Пусть же по молитвам Пресвятой Богородицы, по молитвам всех преподобных отцов, афонских и русских, благодать Божия пребывает с нами, и Покров Пречистой Царицы Небесной покрывает наши святые обители. Храни вас Господь!

Источник: Патриархия.ru

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27